

УДК 802.0

СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *HAPPINESS*
В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ, РЕЛИГИОЗНОМ И БЫТИЙНОМ ТИПАХ ДИСКУРСА

A. S. Vashcheulova

PECULIARITIES OF THE METAPHORIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF *HAPPINESS*
IN AMERICAN POLITICAL, RELIGIOUS AND COMMON TYPES OF DISCOURSE

A. S. Vashcheulova

В статье рассматривается специфика метафорической актуализации концепта *HAPPINESS* в трех видах дискурса. Анализ, проведенный в исследовании, позволил выявить, как специфика американского политического, религиозного и бытийного типов дискурса влияет на те образы, посредством которых концепт *HAPPINESS* представлен в каждом из них.

This paper presents the results of analysing the metaphoric representation of the concept of *HAPPINESS* in three types of discourse. The author focuses on the way the discourse influences the images representing the concept.

Ключевые слова: концепт, дискурс, метафорическая репрезентация концепта, образ, топик.

Keywords: concept, discourse, metaphor, image, topic.

Метафора, сущность которой состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах другого, уже давно обнаружила свой когнитивный потенциал, и рассматривается многими учеными как инструмент познания и концептуализации [1; 2; 6; 7; 8]. Обращение к метафоре как к одному из способов объективации действительности является актуальным при рассмотрении вопроса о вербализации концепта, сложного ментального образования, имеющего множественную представленность в языке. Следует отметить, что обращение к метафоре особенно эффективно при объективации концептов, отражающих феномены высокой степени абстрактности, каким является концепт *HAPPINESS*. С одной стороны, существует многообразие философских фелицитарных концепций, призванных объяснить, что такое счастье, которые, однако, не имеют на этот вопрос однозначного ответа. С другой стороны, множественная представленность данного концепта в языке не дает исследователю охватить все многообразие характеристик, заложенных в содержании такой объемной единицы ментального лексикона, как *HAPPINESS*. Хосе Ортега-и-Гассет отмечал, что есть такие абстрактные и туманные объекты, для формирования представления о которых метафора в высокой степени необходима [7, с. 76]. Мы считаем, что сопоставляя этот концепт с представлениями о других объектах и явлениях действительности, мы можем получить более полное представление о нем, этим определятся наш интерес к рассмотрению метафоры как средству актуализации концепта в целом. Таким образом, объектом нашего исследования является концепт *HAPPINESS*, а в качестве предмета выступает его метафорическая репрезентация. Отметим также, что при изучении метафорической репрезентации концепта *HAPPINESS* недостаточно рассматривать только те метафоры, которые актуализируют его в дискурсе. Принимая во внимание, что образы счастья и несчастья часто неразделимы, мы считаем необходимым рассмотреть метафорическую объективацию концептов *HAPPINESS* и *UNHAPPINESS* совместно.

Наше исследование проводится на материале политических речей, религиозных проповедей, а также произведений американских писателей, и, таким образом, дает возможность рассмотреть и сопоставить метафорическую репрезентацию концепта *HAPPINESS* в трех типах дискурса, политическом, религиозном и бытийном [5]. Так, целью данной статьи является выявление особенностей метафорической представленности концепта *HAPPINESS* в зависимости от специфики дискурса, в котором он находит свою репрезентацию.

Можно предположить, что существует определенная взаимозависимость между типом дискурса и спецификой актуализации концепта: разные типы, а точнее топики дискурса, создают условия для актуализации концепта посредством специфических метафор. Это обусловлено тем, что цели и системообразующие топики дискурсов (термин В. З. Демьянкова [3, с. 32]) определяют, какими образами будет представлен такой универсальный концепт, как *HAPPINESS*, в каждом из них. Принимая во внимание сказанное выше, необходимо описать цели обозначенных дискурсов, а также назвать их базовые топики.

В первую очередь, рассмотрим политический дискурс. Топиком, или системообразующей идеей политического дискурса, является ВЛАСТЬ [10, с. 94]. Эта идея образует основу рассматриваемого общественного института и определяет цель политического дискурса, которая состоит в актуализации борьбы за власть и ее удержания. В речах американских политиков концепт *HAPPINESS* адаптируется к целям дискурса, его актуализация является важным элементом процесса взаимодействия участников дискурса. Политический дискурс является манипулятивным, и концепт *HAPPINESS*, находящийся актуализацию в политических речах, является инструментом манипуляции общественным сознанием. Поэтому образ счастья, создаваемый политиками, должен быть не только привлекательным, но и понятным гражданам. Так, в политических речах высшее фелицитарное благо представлено в образах плодородия, сладости и света.

Эти метафоры являются конвенциональными и легко воспринимаются электоратом. Рассмотрим пример, в котором счастье представлено как свет, сияющий во тьме: *We are but the atoms in the incessant human struggle towards the light that shines in the darkness – the happiness of Ideal of economic, political and spiritual liberation of mankind!* (Emma Goldman). Стремление к свету как к источнику жизни естественно, т. к. свет является необходимым условием существования всего живого. Счастье (свет) и несчастье (тьма) являются притягательными образами, которые широко используются в политических текстах, при этом политики прибегают к тем метафорам, которые связаны с идеей света, напрямую не именуя ее. Так, в следующем примере несчастье представлено как полночь, самое темное время суток: *How heavy was the midnight of woe which surrounded in blackness the last ray of hope and filled the future with terror and gloom!* (William Garrison). В данном примере несчастье-полночь окружает своей чернотой луч надежды, таким образом, противопоставляются не счастье и несчастье, как это можно было бы ожидать, а несчастье и надежда. Такое противопоставление наилучшим образом отражает принцип американских политиков, когда обещая электорату светлое будущее, они подменяют идею счастья на идею возможности счастья, надежду на него.

Идеи счастья и несчастья могут быть выражены посредством онтологической оппозиции «горечь – сладость». Данная вкусовая метафора основана на том, что человек воспринимает сладкое как приятное, а горькое как неприятное, что в свою очередь позволяет интерпретировать счастье как сладкое и несчастье как горькое: *So manifest were the advantages of the machine age, however, that the United States fearlessly, cheerfully, and, I think, rightly, accepted the bitter with the sweet* (Franklin Delano Roosevelt). В данном примере метафора основана на образном использовании субстантивированного прилагательного. Вкусовая метафора является весьма частотной в политических текстах, и для объективации идей счастья и несчастья общественные деятели часто прибегают к лексике, обозначающей продукты, воспринимаемые вкусовыми рецепторами. Так, Барак Обама в своей речи все несчастья гражданской войны и сегрегации называет горькими помоями: *And because we have tasted the bitter swill of civil war and segregation, and emerged from that dark chapter stronger and more united, we cannot help but believe that the old hatreds shall someday pass; that the lines of tribe shall soon dissolve; that as the world grows smaller, our common humanity shall reveal itself; and that America must play its role in ushering in a new era of peace* (Barack Obama). Таким образом, негативные ассоциации, порождаемые словом *bitter* – горький усиливаются в сочетании с тем смыслом, который несет словом *swill* – помои, продукт негодный к употреблению.

Образ счастья-плодоношения типичен в американском политическом дискурсе. Эта метафора является конвенциональной, т. к. хороший урожай всегда являлся для человека притягательным и желанным вознаграждением за труды, так же как и счастье – желанный итог жизнедеятельности человека. Авторы

политических эссе XIX века используют этот образ для объективации идеи счастья: *But although the mighty constituent truth upon which our social and political system is founded will assuredly work out the glorious destiny herein shadowed forth, yet there are many untoward circumstances to retard our progress, to procrastinate the entire fruition of the greatest good to the human race* (John O'Sullivan).

В политических текстах часто встречается образ счастья – наполненного сосуда. Так, в речах Мартина Лютера Кинга счастье метафорически изображается как наполненность, и в следующем примере наполненность сердца счастьем представлена как наполненность сосуда жидкостью: *We sit here together, a rainbow, a coalition – the sons and daughters of slave masters and the sons and daughters of slaves, sitting together around a common table, to decide the direction of our party and our country. His [Dr. Martin Luther King Jr] heart would be full tonight* (Jesse Louis Jackson “1988 DNC Address”). Причем степень наполненности сосуда свидетельствует о степени счастья, которую испытывает человек.

Завершая анализ метафорической представленности концепта HAPPINESS в американском политическом дискурсе, следует сказать о том, что в речах американских политиков, а также американских политических эссе высокочастотны примеры ориентационных метафор, которые репрезентируют концептуальную оппозицию HAPPINESS: UNHAPPINESS. Это метафоры, объективирующие противоположные, с точки зрения пространственной ориентации, явления «верх – низ». При этом следует отметить, что в политических речах случаи актуализации концепта UNHAPPINESS посредством ориентационных метафор более частотны, чем случаи объективации концепта HAPPINESS. Так, сочетание *low moments* в следующем примере наглядно демонстрирует, что идея несчастья в политическом дискурсе репрезентируется единицами языка, выражающими идею ‘низ’: *If, in my low moments, in word, deed or attitude, through some error of temper, taste, or tone, I have caused anyone discomfort, created pain, or revived someone's fears, that was not my truest self* (Jesse Jackson). Высокочастотны случаи объективации концепта UNHAPPINESS, основанные на метафорическом использовании глагола совместно с наречием *down*: *Some liberated countries were lost. The great sadness of this loss echoes down to our own time in the streets of Warsaw, Prague, and East Berlin* (Ronald Wilson Reagan). В данном примере метафорическое использование глагола *to echo* – отражаться эхом, отражаться, вторить в сочетании с наречием *down* демонстрирует многократность погружения в состояние несчастья.

Перейдем к анализу метафор, отражающих концепт HAPPINESS в религиозном дискурсе. Следует отметить, что так же как и в политическом дискурсе, мы будем рассматривать метафорическую репрезентацию концепта HAPPINESS в единстве и противопоставлении с метафорической репрезентацией антиконцепта UNHAPPINESS, т. к. это позволяет получить более полное представление о специфике объективации концепта в дискурсе. Ключевым концептом религиозного дискурса является ВЕРА. Так же как и

политический дискурс, религиозный дискурс является манипулятивным, однако он имеет другую цель – воздействие на массовое сознание в целях приобщения людей к вере в рамках определенной конфессии. В американских проповедях концепт наиболее часто представлен такими метафорами, как свет, плод общения с божественным началом, полнота, сладость. Эти метафоры конвенциональны и легко воспринимаются человеком с любым уровнем культуры и образования. Они позволяют представить абстрактную сущность как конкретный осязаемый объект, кроме того, она раскрывает взаимосвязь счастья с базовыми религиозными ценностями.

Образ счастья-света является наиболее частотной метафорической репрезентацией концепта HAPPINESS, берущей свое начало еще в Библии: *Or the time that two young sisters greeted me after a worship service. When I admired the pink crocs on their feet they beamed with delight* (Tom Ascol). В данном примере метафорическое использование глагола *beam* ‘светить, сиять’ рядом с синонимом имени концепта HAPPINESS лексемы *delight* позволяет нам интерпретировать счастье как источник света. Остановимся на метафорической репрезентации концептуальной оппозиции HAPPINESS: UNHAPPINESS через образы света и тьмы подробнее, т. к. они являются основополагающими в религиозном дискурсе. Следует отметить, что метафоры *счастье – свет, несчастье – тьма* являются самыми частотными в американских религиозных текстах: *It is perfect, comprehensive, sure, right, clear, clean, true, totally transforms a whole inner person, makes the undiscerning skilled in all aspects of living, produces an unassailable joy, makes the dark things light, endures forever* (John MacArthur). Образы света, связанные в религиозном дискурсе с представлением о счастье, эксплуатируются служителями церкви с тем, чтобы в своих речах пропагандировать идеи праведности и смирения: *And when, by the efficacious influence of the blessed spirit, our rational and immortal part is established in its just supremacy – when our appetites and passions are subject to its authority, and our desires regular, modest & just – Then shall our righteousness go forth as brightness, and our salvation as a lamp that burneth* (Gad Hitchcock). В данном примере, где праведность метафорически представлена как яркость, а смирение как лампа, которая будет гореть, в сознание обывателей закладывается алгоритм: праведность и смирение есть свет; свет есть счастье; праведность и смирение есть счастье. Следует отметить, что образы небесных светил как необходимые для жизни человека явления и угроза того, что они погаснут, также является инструментом воздействия служителей культа на обывателей: *As people we have ever been remarkably tender both of our civil and religious liberties; and 'tis hoped, the fervor of our regard for them, will not cool, till the sun shall be darkened, and the moon shall not give her light* (Gad Hitchcock). Данный пример иллюстрирует предостережение священнослужителей, обещающее, что солнце и луна, как источники света и символы счастья, перестанут светить, если люди будут давать себе послабления в вере и грешить в мирских делах.

В религиозном дискурсе, также как и в политическом, оппозиция «сладость – горечь» репрезентирует

идеи счастья и несчастья соответственно: *We feel like John who when taking in all of this says it was sweet and bitter, sweet because of the salvation, sweet because of the exaltation of Jesus Christ, sweet because of the destruction of the ungodly and bitter because of the tragedy of eternal damnation to the souls of men and women. And we have that same bitter/sweet taste even now as we contemplate this massive event which will happen and perhaps begin in our lifetime* (John MacArthur). Следует отметить, что при этом задается тот же вектор, что и при объективации данных идей в образах света и тьмы. Так, все угодное церкви подается как сладость, а негодное – как горечь. Таким образом, спасение души репрезентируется как сладость, проклятие душ объективировано как горечь. Вместе с тем в религиозном дискурсе есть примеры, когда одно и то же явление может быть охарактеризовано как одновременно сладкое и горькое. Так, в следующем примере грех, с одной стороны – искушающий и приносящий минутное счастье, с другой стороны – обещающий вечное проклятие человеческой душе, описывается в терминах сладости и горечи: *Deliver me from the sweetness of sin as well as its bitterness. Lead me to an earnest heart searching and a casting of myself on You, to trust You, to cry out to You, to be delivered by You from the sin which so easily besets* (John MacArthur). Однако, при всей своей мнимой притягательности грех является тем, чего праведному человеку следует избегать. Таким образом, из примера видно, что человек боится впасть в искушение и всеми силами стремится к богу как к истинному источнику счастья.

Ориентационная метафорическая оппозиция «наполненность – счастье», «пустота – несчастье» частотна в религиозном дискурсе, при этом данная метафора служит целям религиозного дискурса и пропагандирует идею вознаграждения счастьем за праведную жизнь: *Getting out of self will take the emptiness out of your life and fill it with joy* (Leroy Brownlow). Данный пример демонстрирует, что бесцельная жизнь без самопожертвования и желания приносить пользу и добро другим людям может быть пустой, и только радость служения другим может наполнить ее.

Частотной является метафора счастье – результат (*fruit*) общения с божественным началом, Святым Духом, *With this kind of happiness which is a fruit of the Spirit we do not have to try to smile to be happy* (Leroy Brownlow). Таким образом, счастье как абстрактная сущность метафорически представлено как вполне конкретный и осязаемый объект. Кроме того, счастье-плод является продуктом процесса роста и вызревания, что, по нашему мнению, метафорически представляет собой процесс становления человека как приверженца определенной конфессии и служения богу. Следует также отметить, что дарителем этого продукта является бог, без которого обретение счастья просто невозможно.

Обратимся к метафорической репрезентации концепта в бытийном дискурсе и предварительно опишем его основные характеристики. Бытийный дискурс ориентирован на человека и его внутренний мир, и его специфика заключается в том, что человек в процессе обыденного, повседневного общения стремится раскрыть свой внутренний мир собеседнику и поде-

литься с ним своими мыслями, оценками либо обсудить какие-либо бытовые вопросы. При этом, в отличие от политического или религиозного типов дискурса, участники персонального [4, с. 5] общения выступают, прежде всего, как личности со своими эмоциями и переживаниями и не выполняют каких-либо иных социальных функций, характерных для определенного института. В процессе общения они не стремятся манипулировать друг другом или насаждать свои убеждения, целью бытийного дискурса является раскрытие своей точки зрения в отношении различных тем. Следует также отметить, что бытийное общение преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами [4, с. 7]. Таким образом, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка. Эти особенности бытийного дискурса определяют специфику метафорической репрезентации концепта. Следует отметить, что в художественных текстах концепт HAPPINESS представлен двумя типами метафор. С одной стороны, так же как и в политическом и религиозном, в бытийном дискурсе счастье репрезентируется конвенциональными метафорами. Так, американские авторы часто описывают счастье, используя образ света, полноты, они часто прибегают к вкусовым метафорам, а также ориентационным метафорам верха и низа. С другой стороны, художественные тексты изобилуют множеством индивидуально-авторских метафор. Остановимся на конвенциональных метафорах подробнее и, в первую очередь, рассмотрим репрезентацию концепта HAPPINESS посредством образа света. Следует отметить, что, также как и в политических и религиозных текстах, в бытийном дискурсе образы счастья (света) и несчастья (тьмы) весьма частотны и часто сопровождаются друг друга: *But I felt a glimmer of happiness when I started studying Italian, and when you sense a faint potentiality for happiness after such dark times you must grab onto the ankles of that happiness and not let go until it drags you face-first out of the dirt – this is not selfishness, but obligation (Elizabeth Gilbert)*. Так, в данном примере объективированы оба концепта. Антиконцепт [9] UNHAPPINESS актуализирован метафорой *dark times* – темные времена, а концепт HAPPINESS репрезентирован субстантивным сочетанием *glimmer of happiness* – отблеск счастья. Так, человек после темного времени депрессии и несчастий начинает возрождаться к жизни и ощущает тусклые отблески счастья, занимаясь приятными делами. Анализ метафоры, использованной для актуализации концепта HAPPINESS в данном примере, позволяет нам сделать вывод о том, что американские писатели различают разную степень счастья. Так, в данном примере использование лексемы *glimmer*, в котором заложено значение *мерцание, тусклый свет*, свидетельствует о том, что это еще не само счастье, а лишь бледный призрак настоящего счастья (*faint potentiality for happiness*).

В американском бытийном дискурсе концептуальная оппозиция HAPPINESS:UNHAPPINESS, так же как и в политическом и религиозном, представлена

ориентационными метафорами «верх – низ». Приведем два примера, в которых счастье представлено как нечто, находящееся наверху. Первый пример основан на образном использовании глагола: *The news lifted his spirits (Roger Zelazny)*. Во втором примере счастье метафорически представлено посредством использования образа небесного светила *moon* как точки отсчета, выше которой находится человек в состоянии счастья: *I was over the moon when they told me (Roger Zelazny)*. Несчастье как антипод счастья характеризуется противоположной пространственной ориентацией. Для репрезентации состояния несчастья, в которое погружается человек, отвергнутый своей возлюбленной, в следующем примере используется фразовый глагол *godown*, объективирующий смысл *погружаться, спускаться*, в сочетании с существительным *pit* яма: *Do not be deaf to me, for if you are silent, I shall go down to the pit like the rest (Nicolas Sparks)*.

Так же как и в политическом и религиозном дискурсе, в художественных текстах концепт UNHAPPINESS может быть метафорически представлен как пустота. Так, в следующем примере человек, потерявший любовь, чувствует пустоту в своем сердце: *Without you in my arms, I feel emptiness in my heart (Nicholas Sparks)*. Для описания чувств, которые испытывает человек, находясь в состоянии несчастья, американские авторы прибегают к различным эпитетам, которые реализуют идею того, что несчастный человек чувствует себя неполным. В некоторых случаях эта идея может быть реализована посредством лексемы *incomplete*: *What's the alternative? To quit whenever something gets challenging? To get around your whole life, miserable and incomplete? (Elizabeth Gilbert)*. В следующем примере прилагательное *blank* образно актуализирует состояние человека, когда к нему приходит настоящее горе, и его жизнь становится пустой, как неисписанный лист бумаги: *When she told me again [that she was dying] my world went blank (Nicolas Sparks)*.

Репрезентация несчастья в образах горечи является конвенциональной и уже была описана нами в политическом и религиозном дискурсах. Этот образ встречается также в художественных текстах. Так, смерть близкого человека приносит человеку страдание, и в следующем примере те эмоции, которые испытывает человек, говорящий о своем несчастье, объективированы посредством образного использования существительного *bitterness*: *'Her decease, he said with a bitterness which I can never forget, 'would leave him (him the hopeless and the frail) the last of the ancient race of the Ushers' (Edgar Allan Poe)*.

Индивидуально-авторские метафорические репрезентации счастья и несчастья в бытийном дискурсе многочисленны и разнообразны. Так, счастье предстает как самостийная сущность, как некий живой организм, который может населять каждую молекулу тела человека: *Finally, when I fully absorbed the prettiness of my meal, I went and sat in a patch of sunbeam on my clean wooden floor and ate every bite of it, with my fingers, while reading my daily newspaper article in Italian. Happiness inhabited my every molecule (Elizabeth Gilbert)*. Тот факт, что счастье является жизнеспособной сущностью, подтверждается тем, что американ-

ские авторы, описывая счастье, используют характеристики, присущие живым организмам: *He was pale as death, anxious and absorbed, and hung over the furnace as if it depended upon his utmost watchfulness whether the liquid which it was distilling should be the draught of immortal happiness or misery* (Nathaniel Hawthorn). Так, в примере, приведенном выше, автор использует эпитет *immortal* – бессмертный – по отношению к счастью, таким образом подтверждая, что счастье является живой субстанцией. Следует также отметить, что американские писатели, говоря о счастье, также признают за ним способность испытывать эмоции, характерные для живых организмов: *A faint smile flitted over her lips when she recognized how barely perceptible was now that crimson hand which had once blazed forth with such disastrous brilliancy as to scare away all their happiness* (Nathaniel Hawthorn). Так, метафорическое использование фразового глагола *scare away* не только демонстрирует способность счастья испытывать страх, но и реагировать на внешние воздействия – исчезать, что характерно только для живых существ.

Счастье часто сравнивается с рекой, вероятно, потому, что она никогда не находится в состоянии покоя, а напротив, постоянно движется и изменяется, как и счастье, которое никогда не бывает константным в жизни человека: *While I stood there quietly drowning in two rivers of happiness at the same time* (Elizabeth Gilbert). Идея схожести счастья с водой находит также свое выражение в том, что лексема *happiness* может быть окружена единицами языка, называющими движения, совершаемые в воде: *And once you have achieved a state of happiness, you must never become lax about maintaining it, you must make a mighty effort to keep swimming upward into that happiness forever, to stay afloat on top of it* (Elizabeth Gilbert). Оба примера являются случаями репрезентации концепта посредством структурных метафор, первый из которых основан на существительном, а второй – на образном использовании глагола.

В американских художественных текстах грусть и несчастье часто представлено как боль. Этот образ основан на опыте человека и является примером онтологических метафор. Так, несчастье репрезентируется как боль в сердце *the ache in the heart*, которая обладает динамическими характеристиками. Она может прекращаться на некоторое время или расти, усиливая свое деструктивное действие на человека: *I feel your sadness and my own loneliness and the ache in my heart that had been silent for only a short period of time grows stronger as you release me* (Nicholas Sparks). Несчастье-боль также метафорически представлена в текстах американских писателей как гарпун, насквозь пронзающий грудь: *He was prepared for it [parting with*

the woman he loved] but it didn't stop the harpoon from entering his chest and going out the other side (Robert James Waller).

Еще одним примером репрезентации концептуальной оппозиции HAPPINESS:UNHAPPINESS посредством онтологических метафор является использование авторами художественных текстов образа некоторого устройства или прибора, который может быть сломан или работать без перебоев. Так, в следующем примере несчастный человек представлен как сломанный механизм, что в следующем примере актуализировано отглагольными прилагательными *flawed* и *broken*: *This is what your ego does. It keeps you feeling separate, keeps you with a sense of duality, tries to convince you that you're flawed and broken and alone instead of whole* (Elizabeth Gilbert).

В американских эссе XIX века счастье сопоставляются с музыкой. Так, Генри Джордж, описывая окончание эпидемии, сравнивал горе и страдания, которые она несет, с музыкальным диссонансом, а радость, которую несет избавление от напасти, – с музыкальной гармонией: *Foul things fled, fierce things tame; distress turned to rejoicing, discord turned to harmony!* (Henry George).

Еще одна индивидуально-авторская метафора объективирует концепт HAPPINESS в художественных текстах в музыкальных терминах: *For happiness is the director that brings together and reconciles the discordant notes in our jangling society and converts them into a beautiful harmony* (Leroy Brownlow). Однако, в отличие от предыдущего, в данном примере счастье представлено как дирижер, который обращает неблагозвучные, диссонансирующие ноты бытия в красивую музыкальную гармонию.

В завершении нашей статьи следует отметить, что анализ метафорической репрезентации концепта HAPPINESS в политическом, религиозном и бытийном дискурсах позволил сделать вывод о том, что в каждом из них она обладает своей спецификой. Это происходит благодаря тому, что дискурс, характеризующийся своими особенностями, создает условия для актуализации различных компонентов концептуального содержания и обуславливает те образы, которыми представлен концепт. Манипулятивный характер политического и религиозного типов дискурса определяет особенности образного компонента, представленного конвенциональными метафорами, понятными и простыми образами, упрощающими управления общественным сознанием. В бытийном дискурсе, направленном на раскрытие внутреннего мира человека, счастье репрезентировано конвенциональными и индивидуально-авторскими метафорами, что позволяет более вариативно и образно передать состояние счастья.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5 – 32.
2. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153 – 172.
3. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – № 3.

4. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
8. Ричардс, А. Философия риторики / А. Ричардс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44 – 67.
9. Степанов, Ю. С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт» векторные явления в семантике / Ю. С. Степанов // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. – М.; Калуга: Эйдос, 2007. – С. 19 – 25.
10. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.

Информация об авторе:

Ващеулова Анастасия Сергеевна – соискатель кафедры английской филологии Алтайской государственной педагогической академии, преподаватель английского языка центра обучения иностранным языкам «Тринити» г. Барнаул, 8-903-912-32-70, engurra@mail.ru

Anastasia S. Vashcheulova – English teacher, Trinity Language Centre, Barnaul.

Статья поступила в редколлегию 25.12.2013 г.